

О. Г. Усенко

*кандидат исторических наук,
доцент
(Тверь)*

ТИПОЛОГИЯ САМОЗВАНЦЕВ МОНАРХИЧЕСКОГО ТОЛКА В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.

Прежде всего выясним, сколько среди 60 лжемонархов, «проявившихся» на территории Российской империи в 1762–1800 гг., было «реформаторов» и сколько «авантюристов». Под **«авантюристами»** будем разумеать самозванцев, которые приняли новое имя и/или новый статус только ради личной выгоды, даже не прикрывая свою корысть привлекательными для народа лозунгами и обещаниями, которые добивались своих целей путём дополнительных (по отношению к факту самозванства) нарушений правовых и моральных норм, принятых в той среде, где они вращались.

Соответственно **«реформаторы»** – это лица, которые пытались увязать личные интересы с интересами своих сторонников (неважно – искренне или

[с. 13]

только для виду). К этой же группе относятся и те, кто хоть и не обещал провести социальные преобразования, но оказался замешанным в движениях социального протеста «светского» характера.

К **«реформаторам»** возможно причислить 12 чел. (20% всех самозванцев), а к **«авантюристам»** – 30 чел. (50%), при этом И. Семилеткин оказывается в обеих группах, т. к. он, побыв «реформатором», после саморазоблачения опять выказал претензии на монарший статус, но вёл себя уже как «авантюрист».

В данном случае нас интересуют не столько изначальные мотивы самозванца и те идеи, которые роились его в голове тогда, когда у него впервые возникло желание выдать себя за другого человека, сколько его поступки и публичные заявления накануне, во время и после «объявления», а также их последствия. Ведь самозванец мог под влиянием окружающих и/или обстановки изменить свои первоначальные планы.

Итак, в категорию **«авантюристов»** зачислены: И. Семилеткин (в тюрьме – в 1765 г.), Т. Гаудекер, А. Асланбеков, М. Иванов, Н. Колченко, П. Чернышов, А. Заварзина, А. Краснощёкова, И. Абаиси, Н. Кретов, И. Мосякин, И. Андреев, И. Забелин, Ю. Бинг, Н. Дмитриев, А. Сытин, И. Никифоров, Изек-бей, К. Селиванов, В. Смоленцов, Амвросий, Н. Сорокин, В. Бунин, М. Тюменева, П. Нестеренко, П. Замыцкий, беглый француз-каторжник, К. Владимиров, С. Петериков, Б. Сочнев.

Новое имя и/или статус они принимали для того, чтобы: 1) обрести свободу – вырваться из тюрьмы или ссылки (Семилеткин, Владимиров, Гаудекер, Забелин, Сытин и, очевидно, Селиванов)¹, 2) получить помощь, деньги или нематериальную выгоду, после чего уехать и жить в другом месте обычной – «не царской» – жизнью (Сорокин, Краснощёкова, Бунин и Тюменева, Сочнев, Асланбеков, Иванов, Абаиси)², 3) жить безбедно за счёт своих сторонников, не думая о том, что будет завтра (Колченко, Чернышов, Кретов, Мосякин, Никифоров, Бинг, Нестеренко, Изек-бей, беглый француз-каторжник)³, 4) уволиться со службы (Андреев, Дмитриев)⁴, 5) добиться права стать монахом (Петериков, Смоленцов,

Замыцкий)⁵, б) избежать преследований и/или найти управу на обидчиков (Амвросий, Заварзина, Смоленцов)⁶.

Список **«реформаторов»** таков: И. Семилеткин (в бытность его на свободе – в 1762 г.), Г. Кремнев, И. Опочинин, Ф. Богомолов, Е. Пугачёв, М. Ханин, Г. Савёлов, Д. Попович, Г. Зайцев, Н. Сенютин, П. Середенко, К. Борняков.

Лишь Пугачёв и Сенютин обещали дать «волю» помещичьим крестьянам, но если первый пытался выполнить обещание, то второй болтал всеу⁷. Свергнуть царицу, предать смерти часть или всех «недобрых» дворян планировали – хотя бы на словах – Пугачёв, Ханин, Опочинин и, вероятно, Середенко⁸.

Что касается других «реформаторов», то степень радикальности их замыслов и заявлений гораздо более низкая: 1) введение свободы вероисповедания для «раскольников» (Семилеткин)⁹, 2) сокращение, временная отмена

[с. 14]

или упразднение налогов, а также временная или полная отмена рекрутской повинности и «солдатчины» вообще (Семилеткин, Кремнев, Зайцев, Борняков, Богомолов)¹⁰, 3) дарование недворянам права на лимитированное винокурение (Кремнев), 4) наказание местных «кровопивцев», а также личных недругов самозванца (Семилеткин, Савёлов, Попович)¹¹.

Обратим внимание, что лишь трое – Кремнев, Богомолов, Пугачёв – оказались во главе народных выступлений. К ним близок лишь Ханин, который готовился, но не успел стать вожаком повстанцев. Получается, что в этой группе самозванцев преобладали демагоги, прятавшие под благовидными заявлениями своекорыстные устремления.

Остальные лжемонархи (19 чел., или 32% всех самозванцев) – это **«блаженные»**: В. Сергеев, В. Леонтьев, В. Дубровкин, Г. Васильев, Ф. Гришин, К. Фридрих, Ф. Мейбом, М. Шнидер, К. Васильев, Н. Баташевский, И. Фоменко, А. Корсакова, П. Петров, П. Галушка, О. Шурыгин, И. Пакарин, Ф. Ушаков, А. Дьяконов, И. Родде.

Если для «авантюриста» и «реформатора» самозванство – лишь способ достижения поставленных целей, то для «блаженного» оно и есть цель: он желает лишь «объявить» о себе. Создаётся впечатление, что в третьей группе самозванцев преобладают люди с расстроенной психикой.

Большинство «блаженных» (17 чел.) полагали, что своё «законное» место на троне или рядом с ним они получают автоматически после «проявления». Они чаще всего приходили в государственные учреждения, чтобы открыть властям тайну о себе (исключение составляют Мейбом, Фоменко, Галушка, Ушаков и Дьяконов)¹². Однако в двух случаях самозванцы «объявляли» о себе властям, по всей видимости, только для того, чтобы удостовериться в своём высочайшем происхождении (Пакарин и Васильев)¹³.

Наконец, можно выделять **«народолюбцев»** – тех лжемонархов, которые, впервые «разглашая» о себе, стремились найти сторонников среди непривилегированного и полупривилегированного населения (солдаты и казаки при исполнении служебных обязанностей не в счёт). Это 32 чел. – 11 «реформаторов» (без Опочинина), 17 ««вантюристов» (Асланбеков, Иванов, Колченко, Чернышов, Заварзина, Краснощёкова, Кретов, Мосякин, Никифоров, Селиванов, Сорокин, Бунин, Тюменева, Нестеренко, Замыцкий, Петериков, Сочнев) и 4 «блаженных» (Мейбом, Фоменко, Галушка, Ушаков).

Итак, поскольку 80% всех самозванцев и 66% «народолюбцев» – это «авантюристы» и «блаженные», поскольку только 4 из 60 оказались участниками выступлений социального протеста, постольку нельзя монархическое самозванство целиком относить к истории «классовой борьбы». Скорее, его надо считать сферой деятельности людей с авантюрным складом ума и/или с отклонениями в психике.

---

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 403. Л. 36; Ед. хр. 546. Л. 16; Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2046, ч. 1. Д. 10. Л. 23 об.; Ед. хр. 2411. Л. 1–1 об.; Ед. хр. 2463. Л. 24 об. – 25 об., 56–57; Майнов В. Н. Скопческий ересиарх

[с. 15]

Кондратий Селиванов // Исторический вестник. 1880. Т. 1. С. 760; Кельсиев В. И. Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1861. Вып. 3. С. 79–80; Кутепов К. Секты хлыстов и скопцов. Казань, 1882. С. 143, 159–160; Мельников П. И. Материалы для хлыстовской и скопческой ересей... Б.м., б.г. Отд. 2. С. 18–19, 34.

² РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 541. Л. 9, 13 об., 41 об., 43–43 об.; Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 2020. Л. 106–108; Ед. хр. 2744. Л. 80 об., 87–87 об., 145 об., 245, 275, 278–278 об.; Ед. хр. 3302. Л. 4; Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 7086. Л. 166, 204–204 об., 206 об.–207, 326 об., 379 об., 402–403, 482 об.; Ед. хр. 7199. Л. 3; Строев А. Ф. «Те, кто поправляет фортуна»: авантюристы Просвещения. М., 1998. С. 377–378.

³ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 404. Л. 2, 5 об.; Ед. хр. 406. Л. 46 об., 78 об., 82; Ед. хр. 535. Л. 2, 6, 50–50 об., 52 об., 57, 58; Ед. хр. 528. Л. 7; Ед. хр. 537. Л. 4 об., 63 об. – 66 об., 68, 69 об., 76 об.; Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2446. Л. 10 об. – 11; Ед. хр. 2807. Л. 17; Энгельгардт Л. Н. Записки. М., 1997. С. 34; Лотман Ю. М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980. С. 45.

⁴ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 536. Л. 17 об. – 18; Мнимый сын Голштинского принца // Памятники новой русской истории. СПб., 1873. Т. 3. Отд. 2. С. 318–319.

⁵ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 554. Л. 4–4 об., 6; Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2575. Л. 7–11; Ед. хр. 2763. Л. 1, 13 об.

⁶ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2599. Л. 16 об. – 28 об., 32 об. – 33; Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 7113. Л. 2.

⁷ Емельян Пугачёв на следствии. М., 1997. С. 82, 172–173; РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 543. Л. 1 об.; Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2704. Л. 3 об.

⁸ Емельян Пугачёв на следствии. С. 190, 215; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 52. Оп. 1/194. Ед. хр. 308, ч. 3. Л. 11 об., 12 об.; РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 408. Л. 2 об., 8 об. – 9, 11 об. – 15, 40 об., 50–51 об., 57–57 об.; Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2917. Л. 7.

⁹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 403. Л. 12 об. – 13, 16 об. – 17 об.

¹⁰ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 402. Л. 87, 97, 122 об., 143 об., 149 об. – 150; Ед. хр. 542. Л. 15 об. – 16; Ед. хр. 553. Л. 2, 14; РГВИА. Ф. 8. Оп. 5/94. Ед. хр. 72. Л. 86 об., 88.

¹¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 538. Л. 5 об. – 6, 9 об. – 10, 25; Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2455. Л. 24–25, 27, 34, 40 об.

¹² РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2221. Л. 1, 18; Ед. хр. 2453. Л. 5, 6; Ед. хр. 2577. Л. 4, 10 об.; Ед. хр. 2682. Л. 2, 5–5 об., 17; Ед. хр. 2712. Л. 2.

¹³ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2666. Л. 1, 3 об. – 4, 26 об.; Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 7097. Л. 1, 3.

[с. 16]
